

Леонид Иванов

Партизан

Леонид Кириллович Иванов

Партизан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23688717

ISBN 9785448503061

Аннотация

Книга лауреата многих международных и всероссийских литературных премий Леонида Иванова «Партизан» включает в себя одноимённую повесть, рассказы и главы из романа, которые посвящены людям в погонах. Читая произведения, вы окупётесь во времена Великой Отечественной войны, Чеченской кампании, побываете вместе с офицерами запаса, которых в обиходе называют партизанами, на воинских сборах, где проходят подготовку бойцы спецназа ГРУ Генштаба.

Содержание

Партизан	5
Начало	5
Чертовщина	9
День первый	14
Служба	21
И своя ноша тянет	27
Тяжело в ученьи	32
Разнос	37
Беседа	39
Прыжок	45
Письмо из дома	54
По тревоге	57
Курорт	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Партизан

**Леонид
Кириллович Иванов**

© Леонид Кириллович Иванов, 2017

ISBN 978-5-4485-0306-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Партизан

Повесть

Начало

– Отря-а-ад, рняйсь! Смирно-о! Товарищ генерал-майор, отряд для проведения военных сборов построен. Командир отряда – полковник Синцов.

– Здравствуйте, товарищи офицеры!

– Здра жла, трищ генрал-майор!

– Вольно!

– Вольно! – повторил команду полковник.

– Товарищи офицеры, в самом начале военных сборов я должен вас поздравить: в случае военных действий с вероятным противником около 80 процентов из вас станут Героями Советского Союза. – Генерал в штатском сделал многозначительную паузу и вполголоса, но так, чтобы слышно было всем, с улыбкой добавил, – Посмертно.

– Ну, театр! – раздражённо думал Клавдий. – Всё фальшиво, наигранно. И этот генерал, одетый на построение по гражданке, тоже театр. Причём, театр отвратительный. По уставу честь отдаётся погону, а не рубашке в клеточку с распахнутым воротом. Уж если он на самом деле генерал,

мог бы привезти с собой форму и предстать перед строем, как положено. И эту шутку про Героев Советского Союза он слышит уже в третий раз, сна чала на острове Майский возле Очакова, где они проходили подготовку диверсантов-подводников, потом в горно-учебном центре под Кироваканом. Там эту же фразу произносили тоже одетые в гражданское генералы из ГРУ Генштаба, которые по том на протяжении всех сборов наблюдали за ходом обучения офицеров запаса, вынужденных, как мальчишки, играть в войну. Только в отличие от ребятни, они были полностью экипированы и вооружены автоматами.

Клавдий раздражался, потому что уже в третий раз из-за этих игрищ в войнушку он лишался нормального отпуска. Теперь снова придётся свои положенные по закону два месяца брать вразнобой осенью и зимой по две-три недели, подстраиваясь то к заочникам, то к текущему расписанию очников своего факультета романо-германской филологии.

Раздражало то, что именно им военкомат затыкал какие-то «дырки». На Майский, как он узнал уже на месте, его отправили вместо кого-то заболевшего из этой же секретной команды, уже успевшего пройти два предыдущих этапа – воздушно-десантную и горно-егерскую подготовки. Подавляющее большинство из той сотни на предыдущих сборах проходили огневую подготовку, отрабатывали приёмы, и главное, если и не сдружились, то были хорошо знакомы.

Его тоже легко приняли в свою семью. Все тут были

на равных, по каким-то только военкоматским работникам известным параметрам отбора, они оказались в одной команде будущих диверсантов, призванных в случае войны выполнить приказ по уничтожению какого-нибудь стратегического объекта противника. Да и то, скорее всего, отряд из «партизан» будет служить в качестве отвлекающего внимание, чтобы «под шумок» настоящие профессионалы смогли проникнуть на хорошо охраняемую территорию и выполнить важное задание.

Однажды Клавдия вызвали в военкомат и познакомили с каким-то майором, на кителе которого над тремя рядами орденских планок сверкала звезда Героя. Тот назвал себя Володей, долго интересовался делами в университете, несколько минут поговорил на английском, Клавдий тогда ещё удивился его хорошему произношению. В конце встречи, видимо, чтобы расположить к себе, майор рассказал о штурме дворца Амина, в котором сам принимал участие, прибыв с сотней других спецназовцев за несколько часов до операции на подмогу уже заранее внедрившимся в разного рода торгпредства и диппредставительства коллегам.

Этим разговором майор Володя дал понять, что и его, Клавдия, может ждать что-то подобное в какой-нибудь другой стране, где тоже есть амбициозные оппозиционеры, желающие прийти к высшей власти при помощи советских друзей в обмен на обещание повести народ по коммунистическому пути развития.

Клавдий понимал, что эта беседа не была организована ради бахвальства майора. Он своим рассказом должен был настроить будущего спецназовца на нужный лад, заставить его годиться своим предназначением на случай подобных действий, поверить в возможность тоже стать Героем. И надо сказать, тот разговор действительно сыграл немалую роль. По крайней мере, когда Клавдия призвали на военные сборы, он ехал не просто с желанием, а с гордостью, что попал в число избранных.

Для зачисления в команду спецназа ГРУ у Клавдия были все основания: отличное здоровье, хорошая физическая подготовка, в студенчестве он стал кандидатом в мастера по плаванию, имел корочки мотоциклиста и любительские права, отлично владел английским, и хуже – французским. Закончив с красным дипломом факультет романо-германской филологии, потом, как один из лучших выпускников, остался преподавать, параллельно закончив аспирантуру.

Чертовщина

На перроне Каунаса прямо возле выхода в город стоял одетый в парадную форму десантника солдат с табличкой «В/ч Д1228». Неподалёку от него на садовой скамейке сидели трое гражданских и капитан.

– Чёрт! – выругался Клавдий. – Не посмотрел номер части.

Он отошёл в сторонку, достал выданные в военкомате документы. На них значилось, что десантник с табличкой встречает именно его.

– Здравствуйте! Мне как раз к вам.

– А вон ваши уже ждут, – показал военный и крикнул: – Товарищ капитан, тут ещё один прибыл.

Капитан встал и подошёл к Клавдию:

– Капитан Семёнов. Можно просто Дима.

– Клавдий Иванович. Извините, вузовская привычка! Старший лейтенант запаса Клавдий Степанцов. Тоже просто Клавдий.

– Вон наши ребята. Пошли.

До прихода следующего поезда, на котором должны были приехать офицеры из Минска и Киева, оставалось более трёх часов.

– Ребята, я предлагаю посмотреть музей чертей. Говорят, он единственный в мире. Потом вас наверняка привезут сю-

да на экскурсию в музей Чюрлёниса, где кроме работ известного литовского художника и композитора собраны произведения, начиная с шестнадцатого века, а вот в музей чертей вы вряд ли ещё когда попадёте. Тем более, нам, десанникам, с чёртом надо водить дружбу, чтобы не учудил чего. Ну, что, идём? Это недалеко, в центре города.

– По мне так лучше бы пивка попить, – лениво потянулся начинающий лысеть крупный мужчина. – Тут пива всякого навалом, а у нас оно только по великому благу.

Мужчина при разговоре сильно окал, и Клавдий подумал, что он, скорее всего – помор. Из Архангельска или Мурманска.

– Да напьёшься ты ещё пива! – засмеялся капитан. – Там через овраг от вашей казармы офицерское кафе, где пиво не переводится. Вот только увлекаться им не советую – на следующий день тяжело будет.

– А мне с пива никогда тяжело не бывает, – заверил любитель пенного напитка и протянул Клавдию руку. – Боря. Я из Вологды.

– Очень приятно! Клавдий.

– Клавка, значит. Очень приятно. А чо это у тебя имя такое женское?

– Самое что ни на есть мужское, – обиделся Клавдий. – В переводе с латинского – скрытый.

– О! Значит, настоящий разведчик. Дима, а ты у нас командиром будешь или как?

– Или как. Командиры у вас из своих будут. Может и ты, например, а я инструктор по восточным единоборствам. Приёмам рукопашного боя вас обучать буду.

– Ты чо, в самом деле этот, как его, каратист што ли?

– Умею немного.

– А чо-нить покажешь?

– Вам ещё надоест за два месяца.

– Не, ты правда каратист? – не унимался уже хлебнувший пива здоровяк, который был на полголовы выше инструктора и весил килограммов на тридцать больше. – Ну, покажи чо-нить.

– Что, прямо вот тут, на перроне?

– Дак а чо? Самое то!

Он взял инструктора за плечо, чтобы повернуть к себе и в тот же миг оказался распластанным на земле. Произошло это настолько быстро, что стоявшие вокруг даже не успели ничего понять.

– Ни хрена себе! – восхищённо сказал Боря, поднимаясь и отряхивая брюки. – Это чо было-то? Это ты меня што ли так? Или я поскользнулся?

– Поскользнулся, поскользнулся, – улыбнулся капитан. – Так что, идём ко всем чертям?

– А пошли! – неожиданно легко согласился Борис. – Нет, а здорово ты меня уложил! Научишь?

– И не только этому, – пообещал Дима.

На музей капитан отвёл полтора часа, чтобы успеть

на вокзал к следующему поезду.

– Хватило бы и полчаса, – подумал Клавдий, но пожилой экскурсовод, очень похожий на основателя музея, большая фотография которого висела на стене в первом зале, рядом с большим чёртом с конопляным хвостом – первым экспонатом этой огромной коллекции, увидев которую, пират мог бы воскликнуть «Тысяча чертей!», будучи абсолютно прав. На двух этажах старинного здания действительно собрались более тысячи чертей из разных стран.

За семьдесят с лишним лет, узнав о существовании такого музея, люди пополняли собрание этой нечистой силы своими подарками, среди которых были черти и чертовки, ведьмы на метле и просто маски с ужасными гримасами. Они были выполнены из металла и дерева, пластмассы и кожи, керамики и не обожжённой глины. По углам комнат и за стёклами шкафов стояли, лежали и сидели разные представители нечистой силы чуть не в человеческий рост и совсем крошечные. Некоторые были выполнены в виде пепельниц, подсвечников, тростей и даже скалок для теста – бывшими, по многочисленным анекдотам, главным средством воспитания нерадивых мужей.

На стенах висели вымпелы и флажки с изображением чертей, театральные программки, афиши, коробки из-под конфет. В лавке продавалось множество различных сувениров. Борису очень понравилась пивная кружка с выглядывающим из неё чёртом. Он сразу же взял её на память, обещая, что

теперь пенный напиток будет пить только из этого сосуда.

Клавдий купил небольшую ведьму, надеясь прямо на вокзале, где обязательно должна быть почта, отправить её бандеролью жене, а себе приобрёл амулет с хитрой мордашкой чёртика на кожаном ремешке и сразу же надел на шею.

– Вы поаккуратнее с этим сувениром, – предупредила пожилая продавщица. – Этот амулет не каждому подходит.

– Спасибо! – улыбнулся Клавдий. – Он такой добрый, что будет меня оберегать от других представителей нечистой силы.

– Дай бог, – еле слышно сказала продавщица, но Клавдий расслышал и снова улыбнулся по поводу суеверий. Сам он не верил ни в бога, ни в чёрта.

День первый

Утром Клавдия разбудил чей-то голос:

– Эй, пацаны! Завтрак проспите! Вставать пора.

На часах было восемь.

– Вот это поспал! – с удивлением подумал Клавдий. – Хотя, если разобраться, и легли уже в полночь.

Он встал, провёл ладонью по подбородку – побриться можно потом, сходил умылся, почистил зубы. На входе в спальное отделение встретился с Борей.

– Привет! Пошли завтракать, – сказал тот.

– Пошли. А ты знаешь, где это?

– По запаху найдём.

На улице встретила группа таких же «партизан». Они рассказали, где найти столовую, и что после завтрака надо сразу идти получать форму.

– Гражданку лучше себе оставьте, – посоветовал один. – По выходным в Йонаву ездить пригодится, а то патрули приставать будут.

После завтрака, более скудного, чем было на Майском и в ГУЦ, но вполне сносного, Клавдий с Борисом, который при более близком знакомстве оказался простым добродушным парнем, получили форму, зашли в военторговский ларёк за подворотничками, нитки и набор иголок по прежнему опыту Клавдий привёз из дома, и начали примерять обмун-

дирование. В отличие от того, что выдавали в ГУЦ, это было обычным солдатским, солдатскими же были и кирзовые сапоги с портянками.

В казарме кто-то безмятежно спал, несколько человек играли в карты, кто-то читал книги или газеты. О распорядке дня никто не имел ни малейшего представления.

– Не зря говорят, где начинается армия, там кончается порядок, – хихикнул Боря. – Может, в город махнём? Проведём рекогносцировку на местности. Тут-то чо делать?

Клавдий неопределённо пожал плечами. Делать в части действительно было нечего. Взятую в дорогу книгу он прочитал ещё в поезде, а брать с собой больше не стал – во время предыдущих сборов на чтение времени совсем не оставалось.

– Погоди минут пятнадцать, я жене письмо напишу, заодно хоть сувенир вчерашний бандеролью отправлю, а то с вокзала не успел.

– Соскучился уже? – заулыбался Боря. – Ну, давай, сочиняй, писатель. А я жуть как писать не люблю – профессия отучила.

– А ты чем занимаешься?

– В многотиражке работаю. Редактором.

– А я в университете преподаю.

– Я почему-то так и подумал, что учитель.

– По лицу видно? – засмеялся Клавдий.

– По поведению. Правильный ты весь какой-то. Это наше-

го брата, журналиста, по походке узнают. Как ментов. Кстати, журналистов в нашей команде довольно много. Как будто наши отцы-командиры собираются репортажи получать с территории противника.

– Как сказать! Может и репортажи тоже. Мы же очень много внимания на детали обращаем. К тому же анализировать профессия заставляет. А ты откуда знаешь, что журналист много?

– Я третий раз на сборах. И всегда из сотни до десяти человек – журналисты. И телевизионщики, и пишущие, как ты. На Майском Вадим Чернов был из областной газеты зав. отделом, Валерка из Ленинграда – собкор ЦТ, Валентин из Мурманска из «Полярной правды», из Белгорода Сашка. Много, одним словом. Наверняка и здесь будут.

– А это мы сейчас проверим, – сказал Павел и закричал на всю казарму:

– Журналисты есть?

– Ну, есть, а что? – откликнулся один из игроков в карты.

– Давай знакомиться! – Павел пошёл к играющим, а Клавдий сел писать домой письмо.

– Ну, что, писатель? Не закончил ещё? – раздался прямо над ухом голос Бориса.

– Две минуты, – попросил Клавдий.

– Что, только поцеловать осталось?

– Типа того.

– Тогда поехали. Степан вон тоже с нами прошвырнуться

решил.

Степан, как оказалось, работал на телевидении в Воркуте, закончил журфак Ленинградского университета, поехал на Север по распределению да так и остался в городке шахтёров, поскольку зарплата была хорошая, жильём обеспечили сразу, женился, уже растут двое ребятишек.

Ехать, по совету ребят, решили в гражданской одежде, и только Борис захотел покрасоваться в форме. Она действительно ему шла и даже стройнила.

В военном городке подсказали остановку автобуса. Ждать его почти не пришлось, и вскоре ребята прогуливались по улицам небольшого литовского районного центра.

– Вот сколько у нас таких райцентров? Все на одно лицо. Ну, у нас на Вологодчине ещё старинные города есть, там кирпичные здания до революции построены, по двести-триста лет стоят. А остальные – деревня деревней. Райком кирпичный да в лучшем случае Дом культуры. А тут – Европа. У нас в магазинах почти ни фига нет, а тут, смотрите, колбаса нескольких сортов, сосиски, а пива сколько разного! Вы как хотите, а я пару пива заглотну, – заявил Борис. – На вас брать? Давайте за компанию.

Пиво выпили тут же возле магазина, прошлись по улице до самой окраины, по параллельной вернулись обратно. Оглядываясь по сторонам, остановились у трёхэтажного кирпичного дома в поисках туалета – пиво просилось наружу.

– Вы как хотите, я больше не могу терпеть, – заявил Степан. – Я – за угол.

С полпути он вернулся:

– Парни, надо искать другое место. Тут женское общежитие швейной фабрики.

– Вот бы девки обрадовались, если ты у них под окнами отливать начал, – захохотал Боря.

В это время из дверей выскочили на улицу три девчонки в лёгких цветастых платьях.

– Девочки, можно с вами познакомиться? – окликнул их Степан.

Они повернулись, оценивающе осмотрели молодых мужчин и захихикали.

– Так давайте познакомимся, – предложил снова Степан. – Я Стёпа, а это мои друзья – Борис и Клавдий.

– Мы с партизанами не знакомимся, – скривила губки одна.

– Мы девочки честные, – добавила другая, они снова захихикали, свернули по дорожке и быстро стали удаляться в сторону центра.

– Мы девочки че-е-естные-е-е, – передразнил Степан. – Приехали после восьмого класса из русских деревень в здешнее ПТУ, научились на машинке кромки у простыней строчить, а корчат из себя бог знает кого.

– Да ты чо раздухарился-та? – засмеялся Павел.

– Да что они в самом деле! – горячился всё больше Сте-

пан. – Знаю я этих честных! Приедешь на съёмку на подобную фабрику, у нас их две, так почти каждая готова подвернуть. А эти ишь, че-е-е-естные! Тьфу, лимитчицы! Я когда учился, в Ленинграде таких лимитчиц миллион был. Тоже некоторые из себя принцесс корчили, но мы с ними не знакомились. Скучные, скажу я вам, особы. Тупые, как утки, главное, ничем не интересуются. Нет, среди студенток тоже всяких полно было – и тупых, и умных. С первыми не интересно, вторые слишком себе на уме. Они среди ленинградцев женихов искали, чтобы по распределению не поехать.

– Да ты чо на девок-то взелся? Что не дали? Дак мы сейчас других найдём. Не проблема!

– Да ну их! Давай лучше закуток искать – сил нет отлить хочется. А потом ещё по пиву – и домой. В смысле – в казарму.

– Так в казарму затовариться надо.

– А кто против? – согласился Борис. – Надо же начало армейской жизни отметить.

К вечеру приехали почти все. В казарме был какой-то прапорщик. Он и отвечал на многочисленные вопросы о расписке, о программе сборов и ещё многом, что интересовало прибывших. Точнее, он пытался отвечать, но поскольку сам ничего не знал, назначенный лишь вчера на должность старшины роты, или, как он сказал, отряда, ведал только выделенным для сборов имуществом. На все вопросы мог ответить только командир сборов. Вроде бы какой-то полковник

не из местных, то есть, не из учебной дивизии. То ли из Каунаса, то ли из какого другого города. Но форма на нём десантная.

Служба

Полковник появился утром после завтрака. Объявил общее построение, сообщил, что в отряд для прохождения военных сборов должны прибыть сто офицеров запаса, сборы начинаются завтра, и что все обязаны подчиняться обычному армейскому распорядку. Звания никакой роли не играют, все они находятся эти два месяца на должности рядовых и подчиняются назначенным командирам и инструкторам. Инструкторов он представит завтра, а сейчас объявляет списки командиров из числа призванных на сборы. Командир первой группы – Смеляков, второй – Трегубов, третьей – Суворкин.... Командиры – ко мне!

Командиры вышли, встали лицом к полковнику. Один из них всё ещё был в гражданской одежде.

– Так! – громко сказал полковник. – Сегодня у вас последний день разгильдяйства. В армии вы все служили, строевым шагом ходить должны уметь. Встать в строй!

Ребята встали в общий строй.

– Командиры групп – ко мне, шагом марш!

Командиры вышли снова вперед уже строевым шагом.

– Молодцы! Умеете. Прапорщик, выдайте списки.

Прапорщик выдал командирам списки личного состава. Те начали зачитывать, вызывая к себе своих. Клавдий оказался в третьей группе вместе со Степаном и Борисом.

Не зря вчера судьба их познакомила. Правда, дозу они явно не рассчитали, и даже Боря, хвалившийся, что от пива он никогда не болеет, чувствовал себя явно неважно.

– Сейчас каждая группа отрабатывает на плацу прохожде-
ние строевым шагом, повороты, развороты и так далее, вспо-
минаете, как приветствовать начальство, и на этом сегодня
занятия заканчиваются. Завтра и на протяжении всех сбо-
ров подъём в шесть утра, зарядка, водные процедуры, зав-
трак, общее построение и занятия по расписанию. Распи-
сание командиры объявят завтра после развода. На разводе
будет присутствовать генерал из Генштаба. Не опозорьтесь!
Всё! Вольно! Разойдись!

– Вольно! Разойдись! – продублировали командиры
групп.

Поскольку все раньше служили в армии, чтобы вспом-
нить, как нужно ходить строевым шагом и приветствовать
командира дружным «Здра жла!..» потребовалось не боль-
ше получаса. До обеда оставалось немного времени, и ребя-
та потянулись в офицерское кафе. Оказалось, что работает
оно с шести вечера, пришлось искать гарнизонный магазин.
Пиво из него подмели подчистую.

Спиртным Клавдий дома не увлекался. На работе – в ос-
новном одни женщины, вечерами работал над диссертаци-
ей, поэтому времени на праздные компании практически
не оставалось. Но тут пришлось поддерживать компанию. Он
быстро захмелел, завалился спать, и когда новые друзья по-

пытались растормошить его на ужин, отказался.

Проснулся от дикого хохота в казарме. Кто-то из новичков рассказывал анекдоты. Делал он это настолько артистично, играя голосом и искусно переходя с женского на мужской, хихикал, подражая гомикам, басил, изображая прораба на стройке и вообще казался замечательным пародистом.

Как это чаще всего бывает в чисто мужской компании, вскоре основной темой стали анекдоты о неверных жёнах, застигнутых в чужих постелях мужчинах, об импотентах и сексуальных гигантах.

После одного такого очень откровенного кто-то из угла казармы с кавказским акцентом произнёс:

– Слюший, дарагой, зачём такой вещь на ночь гаваришь да? Как патом настоящий мужчина спать должин? Ти што, не саабражаишь? Баевую гатовность советскай армии, панимаишь, падрываишь...

– Больше не буду, товарищ Сталин!

– То-то, маладой чилавек! Берия дакладывал, на Калыме вакансия есть.

– Понял, товарищ Сталин! Больше не буду.

И снова – дикий хохот.

– Как дети, ей богу! – начал раздражаться Клавдий. От пива болела голова, давило в висках. Он снова встал, сходил, поплескал на лицо холодной водой, помассировал виски, посидел на лавочке у крыльца казармы. Боль в висках не проходила.

– Может попробовать заснуть? – подумал лениво и побрёл в свою кровать. В казарме установилась тишина, с разных сторон раздавалось богатырское храпение, кто-то громко испортил воздух.

– И это интеллигенция! – с раздражением подумал Клавдий. – Цвет общества, а матерятся хуже сапожников. Интересно, а дома они тоже себя так же ведут? Или просто тут, в чисто мужском обществе, распустились? Нет. Всё равно, интеллигент в любой ситуации должен оставаться интеллигентом! Погоди, а сам он интеллигентно выглядел в эти дни? Назюскался пива вместе со всеми, смеялся над пошлыми анекдотами Степана, в автобусе по дороге из Йонавы в Гайжюнай развязно вёл себя с женщинами, с которыми пытались познакомиться на автовокзале. Набивался к одной из них в гости, пока та его грубо не отшила, пообещав рассказать о приставаниях своему мужу – майору. Нет, пить он не умеет, это точно! Как это противно! Напился, приставал к порядочной замужней женщине, выглядел глупо, глупее некуда, а теперь ещё эта дурацкая головная боль!

И раздражение закипало с новой силой. На себя, на новых друзей, что втянули в эту пьянку, на предстоящую службу, разрушившую планы на отпуск.

Засыпая, снова с раздражением вспомнил свою пьяную выходку в автобусе и решил, что он ничуть не лучше всех этих новых товарищей, среди которых ему предстоит быть целых два месяца.

Уже почти отключаясь, подумал, что наверняка все они, или по крайней мере, подавляющее большинство, в общем-то хорошие ребята, готовые в любую минуту прийти на помощь. А эта пьянка и пошлость, наверное, просто своего рода психологическая защита – ведь у каждого из них на лето были совершенно другие планы. И вместо того, чтобы поехать с семьёй в отпуск, заняться ремонтом квартиры или делать что-то полезное для дома, они вынуждены играть в войну. Как понял Клавдий из разговоров, таких, кто уже бывал на подобных сборах, здесь единицы, значит, они ещё не знают, что их ждёт, и насколько трудно придётся им в предстоящие два месяца. Хотя, может быть, здесь будет легче, чем на Майском и в ГУЦе? Вряд ли!

И зачем они нужны армии, в который уже раз подумал с раздражением Клавдий.

Ещё на Майском, когда познакомился с другими призванными на сборы, узнал, что каждый из них хорошо владеет каким-либо иностранным языком, многие защитили кандидатские диссертации, не раз бывали за границей, а ленинградец Генка Воронов даже три года преподавал русский язык во Франции.

А ещё Клавдия тогда удивило количество врачей. Из сотни участников сборов их было около двадцати.

– А чему ты удивляешься? – сказал однажды один из них – Максим Глушко из Киева, – надо же кому-то будет раны перевязывать, прощальный укол делать.

– В смысле – прощальный? – не понял Клавдий.

– А ты думаешь, там кто-то при выполнении задания станет за собой раненого таскать? Укол – и прости-прощай, товарищ!

Клавдий тогда так и не понял, говорил ли Максим серьёзно или просто так мрачно шутил. Наверное, шутил.

– Ой, ёлки-палки! – подумал он вдруг о своём отправленном жене сувенире. – Я же ей послал ведьму на метле! А если она примет это на свой счёт? Если вместо того, чтобы посмеяться, подумает, что я таким образом назвал её ведьмой? И ведь уже ничего не исправить! Надо будет завтра же написать новое письмо! За сочинением этого завтрашнего нежного письма он и заснул.

И своя ноша тянет

Клавдию приснилось, что он в составе диверсионной группы заброшен в тыл врага. Кажется, это была Западная Германия, но ничего в этих видениях не определяло страну выполнения задания. Даже про само задание, уже проснувшись, Клавдий ничего определённого вспомнить не мог. Вроде бы они должны были взорвать то ли какой-то крупный и хорошо охраняемый мост, то ли базу боеприпасов. Нечто подобное они отрабатывали во время сборов в ГУЦ, когда ночью пробирались на базу условного противника, устанавливали магнитные пластины к основанию резиновой ракеты и незамеченными отходили к назначенному месту.

Во сне их группа задание выполнила, но при отходе была замечена, и отстреливаясь, начала уходить от преследования. Его серьёзно ранило. Истекая кровью, потерю которой пытался если не остановить, то хотя бы уменьшить, он зажимал рукой рану поверх тугой повязки и бежал. Бежал из последних сил и потом рухнул возле какого-то толстого дерева. И тут же к нему подбежал Айболит Сашка, достал из сумки большой шприц и воткнул иголку в бедро раненого.

От этого укола Клавдий проснулся и некоторое время не мог прийти в себя, потому что нога выше колена действительно болела. Он потёр мышцу и, окончательно придя в себя, вспомнил, что стукнулся вчера о край стола, посадив здо-

ровый синяк.

Но обрывок сна, где врач делает ему, раненому, который становится обузой для группы, укол, тот самый прощальный укол, о котором говорил в Кировакане Максим Глушко, взволновал очень сильно.

О том, что слова врача, такого же «партизана» про прощальный укол могли быть сказаны вполне серьёзно, Клавдий понял на предыдущих сборах в Кировакане, когда они во время итоговых учений совершали восхождение на Арагац.

Там, в конечной точке маршрута, во время привала инструктор рассказал, что по бытующей здесь легенде гора Арагац и гора Арарат, которую мужчины хорошо знают по марке коньяка, когда-то были сёстрами, но однажды поссорились и не смотря на все старания ещё одной горы по имени Маратасар помирить, не захотели простить друг другу обиды, были прокляты и навек разъединены.

Инструктор рассказал ещё, что во времена принятия христианства святой Григорий Просветитель восходил на гору Арагац, и ему в пути светила священная лампада. Её можно увидеть и теперь, но это даётся только посвящённым.

Уже на обратном пути, во время спуска по каменистой осыпи этой разрушающейся от старости самой высокой горы Армении из под ног одного из бойцов выскользнул камень. Он покатился вниз, потом стукнувшись о другой, более крупный, подпрыгнул и так, прыжками, начал набирать

скорость.

– Берегись, – предостерегающе крикнул кто-то из бойцов.

Не все поняли, о чём их предупреждают, начали озираться по сторонам, а камень в очередной раз подпрыгнул и острым краем врезался между лопаток идущему посередине Славке. Тот в это время как раз начал оборачиваться на крик, поэтому удар получился немного по касательной, тем не менее сбил Славку с ног.

Встать он больше не смог. В группе из двенадцати человек было три врача: два терапевта и педиатр. Тем не менее, не специализируясь на травматологии, они, осмотрев пострадавшего, единодушно пришли к выводу, что у парня, если не перелом позвоночника, то ребро сломано точно. Славка корчился от боли, стонал, стиснув зубы при каждом движении руки и осторожном касании при пальпации к больному месту. Сергей, официально назначенный врачом группы, сделал обезболивание, вчетвером Славку уложили на живот, расселись вокруг него на камни.

– Надо делать жёсткие носилки, – сказал Сергей.

Все начали растерянно озираться по сторонам, потому что кроме автоматов и ледорубов ничего с собой не было.

– Так! – скомандовал инструктор по альпинизму – капитан Васильев, которого почти все звали просто Сашей, поскольку был он хоть и кадровым офицером, но примерно одного с «партизанами» возраста, а некоторых, с такими же четырьмя звёздочками на погонах, даже моложе. –

Ты и ты, – указал он на двоих, спускаетесь вниз до леса, находите по возможности прямые стволы, штук пять, возвращаетесь обратно. Часа два вам на это вполне хватит. Остальным – отдыхать. Радист Наиль включил рацию, и хотя до урочного выхода на связь оставалось ещё три часа, сообщил о происшествии. Вскоре пришла команда изменить маршрут и вести спуск по восточному склону по направлению к ведущей в горное селение дороге, куда отправлена машина «скорой помощи».

Капитан рассчитал правильно – ребята вернулись даже немного раньше. Автоматными ремнями связали шесты, сделав из них примитивные носилки, уложили на них Славку вниз животом и начали спуск.

– При каждом неловком шаге кого-то из несущих, Славка стонал и слёзно просил:

– Ребята, полегче, а! Ну, пожалуйста, поаккуратнее! Я вас прошу! Больно же до чёртиков...

Только спускаться с горы с неудобной ношей по сыпучим камням да плавно нести при этом носилки – задача практически невыполнимая. Особенно трудно было идти тем, кто держался посередине: из-за спины впереди идущего спуска было не видно, обзор оставался только прямо под ногами, когда кроме, как на крупный валун, ступить было некуда. Край носилок сразу же невольно поднимался, и тут же раздавалось Славкино: «Больно же!».

Ему сделали ещё один укол. На какое-то время парень за-

тих, и только глухие стоны давали знать, что он не спит.

Тогда Клавдий и понял, что слова про прощальный укол не были злой шуткой. Произойди такое ЧП при выполнении действительно боевого задания, когда помимо автоматов с пустыми рожками и ледорубов у каждого за плечами будет ещё килограммов двадцать взрывчатки, патронов, гранат, воды, продуктов и разной мелочи. Каждая из этих мелочей сама по себе вроде бы и не много весит, но когда её набирается много, километров через двадцать-тридцать по горам даёт о себе знать каждым дополнительным граммом. В этом случае пострадавшего надо оставлять, чтобы забрать на обратном пути, если этот путь после выполнения задания ещё доведётся делать, или ставить ему укол, который снимает боль навсегда. Не зря же московский генерал говорил о посмертном присвоении звания Героя Советского Союза.

Тяжело в ученьи

Когда капитан говорил на перроне, что во время сборов лучше не злоупотреблять, а ещё лучше – не употреблять спиртное совсем, он был более, чем прав. Зарядка и трёхкилометровый кросс в сапогах не только заставили проснуться, но с непривычки сразу же ввели в уныние. Даже прошедший два курса подготовки Клавдий чувствовал себя перед завтраком совсем уставшим. К тому же давала знать о себе вчерашняя выпивка.

Построение, развод на занятия и сами занятия для Клавдия ничего нового не обещали. По крайней мере, на этот день. Пока одна группа начинала тренировки в спортгородке, другая сидела в аудитории за составлением расчётов – сколько и какой взрывчатки необходимо закладывать для подрыва деревянной опоры моста просёлочной дороги, железнодорожной рельсы и бетонной опоры. Всё это уже было знакомо, потому что такие же расчёты делал и на Майском, и в горно-учебном центре, когда проходил сборы горно-егерской и подводной подготовки.

Поэтому вскоре бездумное повторение формул, которые он всё равно не мог запомнить, а конспекты в конце сборов уничтожались, снова начинали раздражать Клавдия. И то ли вчерашнее спиртное, то ли это раздражение стали причиной нового приступа головной боли.

Боль немного отпустила только в лесу на учениях по ориентированию на местности, куда пошли после проверки умения читать карту. В лесу было полно грибов: подосиновики и подберёзовики попадались на каждом шагу.

– Сергей, – обратился командир группы Роман к инструктору. – А давай мы грибов на ужин насобираем.

– Не положено, – отрезал совсем ещё молодой старший лейтенант из кадровых. – Траванись кто из вас, сразу ЧП.

– Ой, так грибочков жареных хочется! С картошечкой, – протянул Борис.

– Ребята, давайте мы закончим занятия, потом наберём в плащ-палатку, жена у меня пожарит, и я вас угощу. Идёт? – совсем не по-уставному сказал старлей, немного робеющий перед этими офицерами запаса, которые были и старше его, и главное, уже много чего добились на гражданке. А учёные степени вообще ещё из военного училища воспринимались им с особым пиитетом.

– Лады! – только ты не забудь о своём обещании.

– Да не забуду.

– Тогда, может, ну, его на фиг, это ориентирование? Мы и так знаем, что мох на дереве растёт с северной стороны. К тому же, у каждого компас в руке, давай лучше грибы собирать, а то я уже пару лет в лесу не был.

– И правда, давай, а? – поддержали своего командира остальные. Что мы в лесу не сориентируемся что ли, если в городах не плутаем?

К обеду вернулись с ношей отборных грибов. Роман вызвался помочь донести добычу до офицерского общежития, где жил старший лейтенант.

После обеда, инструктор по инженерной подготовке выдал тетради с утром сделанными расчётами и повёл на полигон применять знания на практике.

– Держи бикфордов шнур, – подал он отрезок шнура Игнату из Петрозаводска. – Поджигай.

– А он у меня в руках не взорвётся? – осторожно поинтересовался Игнат.

– А ты чем на занятиях слушал, когда я объяснял? – строго спросил майор.

– Ушами, чем же ещё.

– Тогда должен был слышать, что шнур сам по себе не взрывается, что он является только средством передачи огневого импульса на капсуль-детонатор. Поджигай.

Игнат с опаской поднёс зажигалку к кончику шнура, и как только тот зашипел, отбросил его в сторону. Майор нагнулся, взял брошенный на землю шнур в руку и откинул его под ноги Игнату, когда гореть оставалось сантиметра три. Тот испуганно отпрыгнул в сторону, вызвав смех товарищей. Тем временем шнур догорел.

– Все поняли, что это безопасно? Зато если шнур вставлен в детонатор, беги, что есть мочи! Как вы обратили внимание, скорость горения примерно сантиметр в секунду, так что метровый шнур даёт вам полторы минуты, чтобы убе-

жать на безопасное расстояние и спрятаться в укрытии. Кто первый?

Вызвался Клавдий, потому что за два курса сборов он взрывал обломки брёвен, рельсов и бетонных свай раз двадцать. Под внимательным присмотром майора прикрепил взрывчатку, вставил детонатор, поджёг шнур и вместе с ним быстрым шагом отошёл в укрытие.

Жахнуло. Земля в окопе дрогнула, все ещё ниже прижали головы. Потом взрывали Борис, Игнат, Роман, пока каждый не отработал упражнение на практике.

Все думали, что на сегодня занятия закончились, но едва появились возле казармы, подошёл тот самый капитан Дима, встречавший на вокзале.

– У нас по расписанию час физподготовки в рамках отработки навыков рукопашного боя. На территорию спортгородка, за мной!

И побежал. Ребята лениво рысцой потянулись следом.

– Сегодня для начала качаем пресс, подтягиваемся на перекладине, потом отжимаемся. Всем лечь на спину, поднять ноги под углом в сорок пять градусов.

Через минуту Борис опустил поднятые ноги.

– Нет, ребята, я бы не смог быть женщиной, – сказал он на полном серьёзе.

– Почему? – поинтересовался бесхитростный Игнат.

– Не могу долго ноги кверху держать.

Дружный смех заставил всех опустить ноги.

– Команды отставить не было! – сказал Дима. – Ноги, ноги, ноги!

Он пошёл вдоль лежащих на земле и кончиком ботинка не сильно бил по сапогу снизу тех, у кого угол был меньше положенного.

– Теперь переворачиваемся на живот и начинаем отжим на кончиках пальцев.

– Это как? – не понял Игнат.

– Упираемся в землю кончиками пальцев, а не ладонями, как это делали когда-то в школе. И – раз, отжались, два – опустились, и раз, и два, и раз, и два... Тридцать раз – минимум для первого раза. Потом доведём до ста. И раз, и два, и раз, и два... А теперь – приседания. Встали, присели, выпрямились, присели, выпрямились, присели. А теперь гусиным шагом в направлении казармы – марш! Пошли, пошли, пошли...

На краю спортгородка он дал команду:

– На сегодня занятия закончены. Все свободны. Отдыхать.

Разнос

– Лейтенант Сморяков!

– Я.

– Выйти из строя.

– Есть выйти из строя.

Незнакомый лейтенант строевым шагом вышел вперёд.

– Лейтенант Сморяков, вы прибыли сюда на армейские сборы или клоунаду устраивать?

– Никак нет, товарищ полковник.

– Что нет? – повысил и без того строгий голос полковник.

– Никак нет, товарищ полковник. Не клоунаду.

– Так какого ты хрена анкету свою заполнил, будто поиздеваться решил над нами. Мне вчера вечером генерал по первое число за неё выдал! Этот умник в графе «каким видом транспорта управляете?» написал: «Гужевым».

В строю раздались смешки.

– Не смешно, между прочим! – загромыхал полковник. – Поскольку вас призвали ради серьёзного дела, шутки свои дома оставьте. А Сморякову, чтобы не повадно было юморить, на месяц отменяю увольнения. По воскресеньям лейтенант Сморяков будет заниматься изучением матчасти военной техники.

Через месяц самолично проверю, как Вы БМД водить можете.

– Товарищ полковник. Разрешите обратиться? – подал голос Роман.

– Обращайтесь!

– А можно я тоже по воскресеньям буду учиться боевую машину десанта водить?

– Всему своё время! Для этого у вас будут другие сборы, на

которых вы будете учиться водить все виды военной техники вплоть до танков. Будете также изучать и технику нашего вероятного противника.

– Товарищ полковник, а на самолёте будем учиться летать? – подал голос кто-то с левого фланга.

– При заброске в тыл противника, если захочешь живым домой вернуться, и на самолёте научишься летать! – отрезал полковник. – А теперь – приступить к занятиям согласно планов!

Беседа

В первый же перекур из штаба прибежал посыльный. Клавдия срочно вызывал генерал.

Генерал по-прежнему был в гражданской одежде: светлые брюки и рубашка навыпуск.

– Товарищ генерал, старший лейтенант Степанцов по Вашему приказанию прибыл!

– Да что Вы, как на плацу? Присаживайтесь. Давайте за-просто. Меня Борисом Петровичем звать. У меня как раз чай заварился. Отменный, я Вам скажу, чаёк. Такого Вы больше нигде не попробуете. По собственному рецепту.

– Нас в Кировакане капитан Москалёв своим чаем угощал, рецепт давал. Там душица, чабрец, мята ещё какие-то травы, которые только на Кавказе растут.

– Знатный у капитана Москалёва чай, знаю, не раз пивал. Кстати, уже майор. Орден Красной звезды в прошлом году получил за Афганистан. Мог бы и Героя получить, да одного полковника из политуправления на три буквы послал. Зарубили. Ну, а у Вас как жизнь? Слышал, женился недавно.

– Да, – заулыбался Клавдий. – Женился. Хотели с женой к её родителям в отпуске съездить, да вот не получилось. На сборы вызвали.

– Ну, съездите ещё, будет время, познакомитесь. Мы похлопочем, чтобы Вам отпуск сразу после сборов предостави-

ли. А как докторская?

– Пишу помаленьку. А Вы откуда всё знаете?

– Работа у нас такая, всё про вас знать. Личное дело изучал.

– Вы у нас в городе были?

– А зачем?

– Ну, в военкомате личное дело смотрели.

– В военкомате на Вас только карточка учёта, а личное дело у нас хранится. Вы – наши кадры. Нам в Генштабе такие очень нужны. Надо нам смену готовить. Нам аналитики позарез требуются.

– Так я же не аналитик.

– Ну, как же?! – искренне удивился генерал. – Вы – учёный. Кандидатскую написали – это что, разве не аналитика?

– Исследование, – поправил Клавдий.

– А исследование и формирование собственной позиции, своего вывода, это разве не аналитика?

– В общем-то – да, – согласился Клавдий.

– Вот такие головастые ребята нам и нужны. Вы знаете, в истории войн было немало случаев, когда по, казалось бы, совершенно далёким от военных дел деталям, полученных от разведчиков данных, аналитики приходили к выводу о подготовке той или иной страны к войне. Ну, резкое увеличение закупок хлопка – это, я бы сказал, примитивно. Это и так ясно. Или при запущенном дорожном строительстве в центре страны вдруг начинается масштабное строи-

тельство магистралей в сторону соседнего государства. Тут тоже много ума не надо, чтобы понять, что дороги нужны для оперативной переброски войск, снаряжения, провианта и прочего. Для маневрирования вдоль границы. Аналитик должен уметь определять стратегию противника на основании совершенно никчёмных деталей. Так что Вы свои исследовательские способности для военного дела напрасно преуменьшаете.

– Я просто никогда над этим не задумывался.

– Вот и подумайте на досуге. А то, что Вас заставляют овладевать приёмами и методами ведения боя в тылу врага, это всегда пригодится. Вот мы только что вспоминали майора Москалёва. Он командовал отрядом, сформированным из офицеров запаса. С некоторыми вместе вы даже на сборах были, я просто не могу назвать их фамилии. Полгода они были в Кабуле, несколько раз принимали участие в боевых операциях по ликвидации трафика снабжения духов оружием. Перед ними также стояла задача предотвращения мародёрства со стороны наших военных. Чего греха таить, и такое имеет место быть. А это значит, что ребята могли пулю в лоб получить от душманов, и в спину от своих. А ведь никто даже ранен не был. А вот ордена и медали заслужили. Этот отряд был сформирован в порядке эксперимента, для того, чтобы проверить возможность офицеров запаса в боевых условиях, посмотреть, правильно ли мы вас учим, что нужно изменить, что добавить. Так что до седьмого пота вас

тут не напрасно гоняют. Совсем не напрасно! Ну, как Клавдий, нет желания надеть военную форму?

– Так я в форме, товарищ генерал.

– Я имею в виду, пока возраст позволяет, кадровым военным стать. Вам же досрочно старшего лейтенанта дали, если согласитесь, сразу капитана получите – и вперёд! До генерала!

– Мне, товарищ генерал, ответ надо прямо сейчас дать?

– Зачем же! – засмеялся генерал. – В таком деле спешка не нужна. Надо всё хорошо обдумать, с женой обязательно посоветоваться. Она наверняка не будет возражать, чтобы в Москву жить переехать. Не торопитесь, думайте. И ещё совет. Так сказать, дружеский. Ваши сослуживцы по предыдущим сборам отмечают, что Вы слишком эмоциональны, точнее – очень впечатлительны. Слишком близко всё к сердцу принимаете. Для боевых операций это явный минус, а вот для аналитической работы эта черта характера не помешает.

– Если честно, товарищ генерал, то мне...

– Клавдий, мы же договорились – по-простому. Борис Петрович.

– Извините! Борис Петрович, если честно, мне как-то больше по душе мирная жизнь. Точнее – гражданская. Ну, какой из меня вояка? Вы же сами сказали, что я слишком впечатлительный, а там – война, там люди погибают.

– Погибают, это правда. Но, к примеру, в Афганистане, где идёт война, погибает в десять раз меньше, чем у нас дома

от дорожно-транспортных происшествий. Вы над такой статистикой не задумывались?

– Честно говоря, я не то чтобы не задумывался, я этого даже не знал.

– Вот то-то и оно! Да вы чай-то пейте, а то совсем уже остыл. Хотя майор Москалёв утверждает, что чай надо пить едва тёплым.

Пока Клавдий небольшими глотками пил и вправду очень своеобразный на вкус чай, генерал расспрашивал о впечатлениях от Йонавы, от первых дней пребывания в части. Клавдий отвечал односложно, поскольку, собственно, говорить-то было и нечего.

– А как, по-Вашему, Ваш новый приятель Борис не слишком злоупотребляет спиртным? – спросил вдруг генерал.

Клавдий чуть не поперхнулся от того, что генерал знает об их жизни так много, хотя кроме как на разводе, когда он шутил по поводу того, что многие из них могут стать Героями Советского Союза посмертно, его в расположении части больше вроде бы и не видели.

– Да, тут ухо надо держать остро! – подумал Клавдий. —

Похоже, мы тут под плотным колпаком, где учитывается каждый шаг, каждое слово. Значит, и про него на тех сборах тоже кто-то рассказывал. Причём, подробно. И может быть, даже не один человек, чтобы составить более полное представление. Эта мысль мелькнула долей секунды, и Клавдий посмотрел в глаза генералу и сказал:

– Я думаю, он просто в первый день расслабился. Не похож на пьянчужку. На работе-то ведь не выпьешь, а тут – вроде как свобода показалась, безделье опять же.

– Ну, у журналистов в отличие от вас, вузовских преподавателей, с выпивкой всё значительно проще. Пьют они – не дай бог! Я уж не говорю, что статьи свои для поднятия тонуса многие пишут в состоянии подпития, в телевизионный эфир некоторые выходят в нетрезвом виде. Помните, ещё недавно на Центральном телевидении передачу «Утренняя звезда» вёл такой Юрий Николаев. Говорят, именно из-за пьянки сняли. Да я Вам таких примеров могу привести сколько угодно. Но вот безделье действительно сильно людей расслабляет, – согласился генерал. – Нужна строгая дисциплина, иначе это уже не армия. Ну, не смею больше задерживать. Спасибо за беседу!

– И Вам спасибо, товарищ генерал! За беседу, за очень вкусный чай с мятой.

– Ты мятой-то особо не увлекайся, – перешёл по-приятельски на ты генерал. – Это здесь можно, а дома – смотри, мята мужскую силу отнимает.

– Ну, этого у меня пока хватает, – заулыбался неофициальному тону разговора Клавдий.

– Вот то-то и оно, что пока. Давай, успехов в службе!

И генерал протянул Клавдию руку.

Прыжок

По натуре своей Клавдий был аккуратистом. Но даже ему до чёртиков надоело это бесконечное укладывание парашюта. Особенно после того, как москвич Валерка Тучин, имевший больше полусотни прыжков, но вместе со всеми уже две недели укладывавший парашюты, сказал, что купол можно в сумку хоть ногами утаптывать, он всё равно раскроется – лишь бы стропы были уложены, как следует.

– Тогда зачем нас заставляют его складывать так аккуратно? – искренне удивился Клавдий.

– А чтобы знали, как это должно быть и не привыкали к разгильдяйству. А то ведь оно так одно за другим и потянется: сначала купол кое-как, потом стропы, а там, глядишь, и камнем вниз с километровой высоты. За твою глупую смерть кому-то и срок впают. А оно им надо?

– А что, бывает и такое?

– Бывает, но очень редко. И хоть это парадоксально, но, как правило, у спортсменов. Самонадеянность подводит, когда чувство самосохранения притупляется.

– А что тогда нам тут инструктор про разные случаи рассказывает?

– А чтобы не расслаблялись.

– Тут расслабишься! Как же! Каждый день на эти долбаных тренажёрах. Уже все плечи ремнями сбил.

– Тяжело в учении... Помнишь?

– Да помню, помню, я вот только понять не могу, на фига нам всё это? И главное – на фига армии такие бойцы, как мы? Ты кандидат наук, Генка – кандидат, я тоже, Серёга диссертацию пишет. И, обрати внимание, все мы гуманитарии. Ни один из нас не специализируется по военным наукам. Так может, для государства было бы полезнее деньги тратить на повышении нашей квалификации по специальности, а не на игры в войнушку? Вон ребята – врачи. Тоже тут фигнёй занимаются, а там, в поликлиниках из-за этого очереди растут, операции некому делать.

– Ну, ты брат, загнул! Вредные у тебя мысли какие-то. Ты в армии, а тут думать командиры должны, мы же слепо выполнять их приказы. На этом принципе все армии мира во все века строились. Ввели вон после революции демократию в войсках, и что из того вышло? Перестреляли кадровых военных, которые порядок хотели видеть, и хана армии. Так что давай лучше укладывай свой парашют, а думают пусть наши генералы, которые нас сюда из дома сорвали. От жён, от детей. Ты, кстати, давно женат?

– За три дня до сборов свадьба была.

– Значит, медовый месяц тут отмечаешь? Не завидую!

– Да ладно! Чего там? Мне просто эта фигня надоела. Раздражает всё. И эти дурацкие прыжки с пьедестала, и с тренажёра, и эта долбанная укладка.

– Ну, прыжки, они сам понимаешь, для отработки при-

земления. Чтобы до автоматизма довести. Помнишь, инструктор учил: ноги вместе, ступни и колени прижаты. Это же не просто так, из желания строить всех под одну гребёнку. Когда на обе ступни приземляешься – меньше вероятность вывиха или перелома.

– А он что, сразу об этом не мог сказать?

– Наверняка говорил, только ты, наверное, в это время о жене думал, вот и прослушал.

И вот в который уже раз парашюты уложены, и взвод отправился на тренажёры. Опять – сначала прыжки с высокого деревянного помоста, потом с муляжа самолёта АН-2.

–левой ногой упираемся в выступ у двери, толкаемся и прыгаем по ходу самолёта, – в который уже раз напутствовал инструктор. – Первый пошёл! Второй пошёл! Третий...

В сотый, наверное, раз Клавдий побежал к проёму, оттолкнулся левой ногой от кромки, прыгнул вперёд. Ремень больно рванул за левое плечо.

– Чёрт! – выругался Клавдий и покатил сначала в сторону, потом резко вниз. Сдвинул ноги вместе, но сгруппироваться, как следует, не успел и стукнулся подбородком о колени. Покатившаяся дальше тяжёлая каретка дёрнула ремни, и он полетел вперёд, зарывшись в песок. Вскочил, чтобы не попасть под ноги прыгающего следом, схватил каретку и побежал вверх. И снова прыжок, снова боль в плече от рванувшего ремня, полёт в сторону и резко вниз. На этот раз удалось устоять. И так снова и снова.

Через полчаса инструктор повёл на вышку. Поднимаясь по лестнице, вспомнил наказ инструктора по альпинизму – не смотреть вниз. Но когда на площадке пристегнул ремни парашюта и встал на краю, взгляд невольно скользнул вниз, и сразу похолодело в ногах.

– Пошёл!

Клавдий не услышал команды, продолжая со страхом смотреть вниз. Толчок в зад оторвал от поверхности, и вот он под куполом опускается вниз. Удар. За долю секунды до этого успел сдвинуть ноги и сгруппироваться, но всё равно не удержался и упал на бок.

Отстегнул ремни, обречённо полез наверх для следующего прыжка.

Тренировки продолжались ровно месяц. Назавтра – День ВДВ. Все занятия ради праздника отменили, и вскоре после завтрака повели на стадион, где обещали большой праздник. Начался он с показательных выступлений десантников. Ребята были настоящими профи и демонстрировали просто чудеса рукопашного боя, ребром ладони ломали доски, били руками и головой кирпичи. А потом на стадион из самолёта посыпались парашютисты. Они устраивали в воздухе шоу и приземлялись точно в центре футбольного поля, на самую середину уложенных на землю спортивных матов.

А когда приземлился долго круживший над трибунами последний, и все выстроились в одну шеренгу, диктор стал перечислять их имена:

– Заслуженный мастер спорта СССР Валентина Загорецкая. Совершила более 11 тысяч прыжков с парашютом. Ее имя в 1976 году занесено в Книгу рекордов Гиннеса. Заслуженный мастер спорта СССР Наталья Сергеева, Заслуженный мастер спорта СССР Майя Костина, Заслуженный мастер спорта СССР Лариса Корищева...

Диктор продолжал называть имена и фамилии женщин, которые только что приземлились на этом стадионе, и были собраны будто бы для того, чтобы заставить заполнивших трибуны мужчин устыдиться своих страхов и доказать свою смелость, решительность, отвагу.

Доказывать пришлось уже на следующий день. На разводе полковник объявил о прыжках и пожелал всем мягкого приземления.

«Партизанам» пришлось долго ждать своей очереди, потея под жарким августовским солнцем. Первыми, взмывая в небо друг за другом, самолёты уносили солдат срочной службы учебной дивизии. Было хорошо видно, как чёрными точками они вываливались за борт, как опускались потом под куполами и садились где-то за кромкой леса. Наступившее по дороге на лётное поле волнение постепенно улеглось, но как только выстроили их и, разбив на десятки, повели к самолётам, сердце начало биться с бешеной скоростью.

Клавдий большим пальцем левой руки приложил к вене и начал считать.

– Ну, и сколько? – поинтересовался заметивший это Ген-

ка.

– 118.

– Ни фиги себе! А ну-ка у меня?

У Генки было чуть меньше, но тоже за сотню. Даже у бывалого Валерки пульс оказался почти такой же.

– Да нормально всё, ребята! – успокаивал он остальных. – Главное – сознание не теряйте. Парашют-то автоматически раскроется в любом случае, но при приземлении ноги полomatь можете.

– Спасибо, успокоил, – как-то невесело улыбнулся Генка.

– Да тебе-то что волноваться? – продолжал Валерка. – У тебя бараний вес, значит скорость падения невысокая. Это тяжёлые быстрее падают. Правда, ты смотри, чтобы тебя вместе с парашютом куда не унесло, если в восходящий поток попадёшь.

– Страшно? – спросил инструктор.

– Не то чтобы... – ответил за всех Генка. – Ну, немножко боязно, конечно.

– Есть такой анекдот: Командир самолёта выпускающему говорит: «Сходи, посмотри, как там новички себя чувствуют, подбодри, если что». Тот выходит, смотрит на парашютистов, спрашивает: «Всё нормально, ремни яйца не жмут?». Головами качают, мол, нет, не жмут. Возвращается в кабину, командир спрашивает: «Ну как, взбодрил? А то девчонки первый раз прыгают».

Все натянуто улыбнулись, кто-то один засмеялся:

– А что, выпускающий не понял, что там девчонки?

– Значит, сиськи у всех маленькие были, потому и не смог разобрать, в комбинезонах же все.

Поднялись на борт, расселись, мотор взревел, и самолёт, немного попрыгав на неровностях лётного поля с грунтовым покрытием, начал набирать высоту. Вот выпускающий открыл дверь, и как только самолёт накренился, делая разворот, Клавдий увидел далеко внизу землю. И снова к ногам покатился холод.

Загорелась лампочка, и вскоре противно и пронзительно заквакал сигнал.

– Первый пошёл! Второй пошёл! Третий пошёл!

Выпрыгнули сидящие по левому борту, теперь была его очередь. Клавдий на плохо слушающихся ногах сделал три шага, оттолкнулся левой, нырнул в открытый проём.

– 501, 502, 503, – как учил отсчитывать время капитан, дёрнул кольцо, и вскоре тело рвануло вверх. Клавдий поднял голову – над ним был наполненный воздухом купол. И вдруг Клавдий почувствовал, что он не падает вниз, а, кажется, поднимается наверх.

– Наверное, попал в восходящий поток, – подумал испуганно, но страх сразу же улетучился, едва услышал сверху восторженный крик Генки:

– Ура! Летим! Ребята, летим!

Ему начали отвечать остальные. Земля стремительно приближалась. Клавдий смотрел вниз, уже не ощущая стра-

ха. Вот только несло его боком. Вспомнив, что надо приземляться лицом вперёд, потянул стропы, вскоре парашют послушно развернулся, но вот какое расстояние осталось до земли, понять было почти невозможно. Казалось, ещё довольно далеко, на всякий случай соединил ноги, как учил инструктор, и как десятки раз делали на тренировках, сдвинул ступни, и в тот же миг почувствовал удар снизу по пяткам. Земля оказалась ближе, чем думал. Не ожидая удара, не успел напряжиться ноги и больно стукнулся подбородком о колени, как не раз бывало во время прыжков с муляжа.

Был полный штиль, поэтому купол сам медленно улёгся на песок, не дожидаясь, когда его будут гасить. Едва Клавдий стал укладывать его в сумку, как сверху раздался какой-то свист. Все подняли голову, к земле стремительно приближалось какое-то тело. Вот оно с глухим стуком ударилось о землю, и все побежали к месту падения, чтобы если ещё можно спасти упавшего, оказать ему первую помощь.

Клавдию осталось бежать метров двадцать, когда самые ближние уже были на месте, откуда раздался громкий хохот. Оказалось, у кого-то из парашютистов, когда раскрылся парашют, сразу сбросивший скорость падения с 30 метров в секунду до пяти, с ноги сорвался сапог. Это именно он, свистя в воздухе голенищем, летел к земле, а неопытные ребята приняли его за падающего человека.

Впечатлениями делились до самого вечера. И даже после отбоя ещё долго разговор то и дело возвращался к ощущени-

ям от первого прыжка. Даже не склонный к экстремальным выходкам Клавдий поддался всеобщему настроению, разделяя восторг от первого прыжка. Но перед вторым и третьим у него снова сердце билось намного сильнее обычного. Наверняка ребята тоже боялись, но все старались не показывать вида. Как-никак, теперь они были настоящими командос, а настоящим командос не пристало проявлять чувство страха.

Письмо из дома

«Милый, как же я рада, что получила от тебя письмо. Оно пришло в один день с извещением на бандероль, поэтому я сначала прочитала письмо, а потом уже побежала на почту за ведьмочкой. Я эту Бабу Ягу, Бабульку-Ягульку буду называть Ведьмочкой. Ты специально такую мне купил? Она чем-то очень напоминает мне меня. Правда-правда! Я долго смотрела в зеркало на себя и на

Ведьмочку. Наверное, мы с ней характером похожи, но это я ещё выясню со временем, потому что она теперь будет моим основным собеседником. Я была у мамы ровно неделю. Дома, конечно, хорошо, но я очень скучаю по тебе, поэтому не усидела и вернулась в надежде, что тут меня ждёт твоё письмо. И предчувствия меня не обманули. Милый, ты пиши мне каждый день! Я очень без тебя скучаю! От безделья решила сделать тебе сюрприз – занялась перестановкой мебели. Но, как всегда, одно дело непременно тянет за собой другое. Отодвинули вчера с Сашкой шкаф, а за ним обои намного темнее, теперь придётся переклеивать всю комнату. Сашка обещает помочь. Он такой прикольный! И почему мы с соседями так мало общались? Сейчас допишу тебе письмо и поеду покупать обои и клейстер. Вечером после работы придет Маринка, и мы втроём быстренько поменяем обои, чтобы завтра я могла прибраться, а потом с Сашкой поста-

вим мебель по-другому и устроим втроём небольшое новоселье. Я же должна отблагодарить их за помощь! Так что, как видишь, на ближайшие дни у меня полно всяких дел. А как ты? Как твоя служба? Сашка говорит, что даже завидует тебе, что тебе удалось вырваться на два месяца в Прибалтику. Там ведь сейчас очень хорошо? Сашка говорит, что «партизаны» на сборах отдыхают по полной. Он три года назад был две недели на военных сборах здесь, в пригороде. Говорит, целыми днями валяли дурака, пили пиво, вечерами ходили в посёлок на дискотеки, что это хорошее дополнение к отпуску. Так что ты там пользуйся возможностью, отдыхай, загорай. Всё, милый, заканчиваю писать, поехала искать обои. Говорят, сегодня в мебельном магазине ожидается привоз. Обнимаю! Целую крепко-крепко! Люблю! Скучаю! С нетерпением буду ждать твоего письма! Кстати. А почему у тебя обратный адрес: «Москва, в/ч... Если ты говоришь, что находишься в Литве? Что-то я запуталась. Дойдёт ли это моё письмо до тебя? Или ты шутишь про Прибалтику? И Ведьмочку купил в Москве? Всё-всё! Убегаю. Чмоки-чмоки!»

– Вот ёлки-палки! – думал Клавдий. – Сашка – гад! С соседями они общались совсем мало. Так, перебрасывались ничего не значащими фразами. Да и то больше с родителями Сашки. Особенно – его матерью. Она иногда заходила по старой памяти, потому что почти каждый вечер бывала у бабушки, скрашивая её одиночество. А теперь, когда после женитьбы Клавдия бабушка переехала к его родителям,

отдав молодым свою квартиру, тётя Лиза иногда заходила позвонить своим подружкам, постоянно спрашивалась о самочувствии своей бывшей соседки, сетовала, что поставить телефон ей давным-давно обещают, но никак не доходит очередь. Вроде бы уже и Сашкино начальство ходатайствовало, чтобы провели без очереди, и муж через своих знакомых пытался найти блат, но пока всё заканчивается обещаниями. Так что, если можно, она будет иногда пользоваться их добротой – бабушка-то никогда не отказывала. Хорошо, что она в войну была медсестрой в госпитале, поэтому как ветерану войны, единственный в подъезде телефон ей провели без очереди. Вот и приходили все к ней, когда кому позвонить надо. Клавдий радушно отвечал, что когда надо, пусть они попрежнему приходят и звонят, не жалко. И соседи этой добротой пользовались постоянно. Правда, Сашка заходил очень редко. А тут, ишь ты, зачастил и даже помогать вызвался. Явно решил приударить за молодой женой соседа, пока того дома нет.

А что? Вполне вероятно! Алла – девушка красивая, весёлая, добрая, почему бы и не приударить?

От этих мыслей сделалось грустно, и захотелось домой.

По тревоге

Свет вспыхнул среди ночи.

– Подъём! Боевая тревога! Быстро одеваемся, получаем оружие и бегом – строиться! – во всё горло орал полковник.

Едва построились в две шеренги и успели рассчитаться, как подъехали крытые грузовики.

– По машинам! Первая и вторая группа – в первую, третья и четвёртая – во вторую, пятая и шестая – в третью, и остальные – в четвёртую. Приказ получите на борту самолёта. Колонна, за мной!

Полковник запрыгнул в свой УАЗик, и грузовики потянулись за командирской машиной, набирая скорость. Сколько ехали, Клавдий не понял, потому что почти сразу задремал, так же, как и остальные. Проснулись, когда машины остановились.

– Выходи строиться! – раздалась новая команда. – В две шеренги становись! Равняйся! Смирно! Товарищ генерал-майор, отряд для выполнения задания построен. Командир отряда полковник Синцов.

– Вольно!

– Вольно!

– Товарищи офицеры, перед нами поставлена задача – десантироваться в заданный район и занять оборону в тылу противника. Вопросы есть?

– Никак нет!

– Подробности задания получите на борту. Желаю удачи!

Командуйте!

– Справа по одному на борт самолё-о-та... бего-о-ом марш!

По рампе начали взбегать внутрь и строиться вдоль бортов, как показывали пилоты. Полковник взбежал последним. Взревели двигатели, рампа поднялась, боковые створки закрылись, самолёт начал рулёжку, а ещё через несколько минут оторвался от взлётной полосы и стал набирать высоту.

Неожиданный подъём среди ночи, эта спешная погрузка в самолёт с оружием, заставляли обдумывать самые разные варианты, вплоть до того, что в какой-то братской стране снова повторились чехословацкие события, и теперь им тоже по просьбе руководства этого государства придётся принимать участие в наведении конституционного порядка, как это делали в 68-м.

Монотонное гудение двигателей постепенно усыпило десант, и очень быстро все заснули. Проснулись от раздавшегося сигнала приготовиться к десантированию, Клавдий посмотрел на часы – летели три часа. По восемьсот километров в час, примерно две с половиной тысячи километров. Албания? Скорее всего, именно в этой стране, не совсем советской и не капиталистической, живущей по своим отличным от всех законам, о которых почти ничего не писали в наших газетах и не говорили по телевидению, вдруг возникла необ-

ходимость военного присутствия. Да! Вот и пришло время становиться Героями Советского Союза или бесславно погибнуть.

– А задание нам так и не объяснили, – пронеслось в мыслях Клавдия. Командир тоже проспал что ли? И как теперь быть?

Между тем двигатели немного затихли, открылся грузовой люк, заморгал красный плафон и противно завякала сирена.

– Первый пошёл! За ним бегом, бегом, бегом! – подгонял выпускающий. В два потока один за другим бросились к зияющей пустоте, пропадая где-то там, в предрассветном мареве.

Клавдий помнил рассказ инструктора, что при десантировании ИЛ-76 сбрасывает скорость до трёхсот и даже меньше километров в час, но это всё равно в два с лишним раза больше той, на которой они прыгали с АН-2.

Добежав до края, Клавдий просто упал ничком, и будто лёг на воду. Ощущение действительно было близким к этому, настолько высока оказалась плотность воздуха на такой скорости самолёта. Отсчитав 501, 502, 503, дёрнул кольцо, провалился камнем на длину строп, и только после этого сильный рывок дал понять, что парашют благополучно раскрылся. Неподалёку под куполами парили товарищи. Солнце ещё не взошло, но землю хорошо было видно. Почему-то природа не отличалась от привычной, и первое, что пришло

в голову – внизу явно не Африка и не Турция. Там не должно быть берёз.

Только загасил купол, как рядом радостно закричал Генка:

– Парни, твою мать, так это же наш полигон!

– Точно! – заорал кто-то слева.

– И на фига нас три часа по небу катали? Вот анекдот! Вот разыграли так разыграли!

Курорт

Ребята во время перерывов рассказывали о своих снах, которые сплошь были на гражданскую тему. Кто-то мечтательно вспоминал привидевшееся эротическое приключение, ему вторили другие, которым тоже снились девушки, семья, коллеги по работе. И только Клавдию Морфей показывал картины военные. Чаще – страшные. Вот и сегодня ему снова привиделся тот самый сон, который снился довольно часто даже дома. Он повторялся с такой точностью, будто операторы сновидений из раза в раз крутили один и тот же фильм. Если просыпался во время сновидения, фильм включался снова сразу же, стоило только закрыть глаза.

Вообще-то таких неприятных сновидений было у Клавдия два. Второе он видел тоже довольно часто, иногда даже дёргался, будто пытаясь отпрыгнуть от края глубокой пропасти, просыпался и долго не мог успокоиться. Этот сон стал появляться в его жизни после призыва на горно-егерскую подготовку. Равнинный человек, никогда в жизни не бывавший в горах, Клавдий очень трудно привыкал даже к заросшим травой склонам, на которых, казалось, упади и будешь скользить до самого низа. Этот страх перед склонами помог преодолеть инструктор, который учил их, как нужно действовать, если упал. Десятки раз каждый из них поодиночке и группами отрабатывал этот приём, стараясь перекатить-

ся таким образом, чтобы ноги оказались внизу. После этого требовалось раскинуть руки и ноги, прекращая качение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.